

Ψ

Psyche

SIGMUND
FREUD

**VORLESUNGEN ZUR
EINFUHRUNG IN DIE
PSYCHOANALYSE**

**DIE FEHLLEISTUNGEN (1916)
DER TRAUM (1916)**

ЗИГМУНД
ФРЕЙД

ВВЕДЕНИЕ
В ПСИХОАНАЛИЗ

ОШИБОЧНЫЕ ДЕЙСТВИЯ.
СНОВИДЕНИЯ

РИПОЛ
КЛАССИК

УДК 159.964

ББК 88.32

Ф86

*Перевод с немецкого Г. В. Барышниковой
Вступительная статья А. В. Лызлова*

Фрейд, Зигмунд

Ф86 Введение в психоанализ. Ошибочные действия. Сновидения / З. Фрейд ; [пер. с нем. Г. В. Барышниковой; вступит. ст. А. В. Лызлова]. — М. : РИПОЛ классик. — 354 с. — (PSYCHE).

ISBN 978-5-519-64029-9

Книга представляет собой публикацию лекций первого семестра двухсеместрового курса З. Фрейда, прочитанного им в Вене в 1916–1917 гг. Лекции посвящены рассмотрению ошибочных действий и сновидений как материала, в котором обнаруживаются себя неосознаваемые человеком мотивы, и обсуждению метода, посредством которого эти мотивы могут быть осознаны. Адресованные З. Фрейдом широкому кругу слушателей, эти блестящие по стилю лекции и сегодня могут служить надежным введением в психоаналитическую проблематику.

УДК 159.964

ББК 88.32

© Барышникова Г. В., перевод на русский язык, 2018

© Лызлов А. В.,
вступительная статья, 2018

© Издание, оформление.
ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2018

ISBN 978-5-519-64029-9

Предисловие

Книга, которую Вы держите в руках, содержит первую часть двухсеместрового лекционного курса, читавшегося З. Фрейдом в Вене в зимнем семестре в 1915/1916 и 1916/1917 уч. гг. Текст лекций был подготовлен к публикации самим З. Фрейдом. Эти лекции были ориентированы на широкий круг слушателей: их посещали не только врачи, но и неспециалисты, желавшие познакомиться с психоанализом, который представлял собой в то время молодое, но уже ярко заявившее о себе направление в медицине (в начале первой лекции Фрейд называет его «методом лечения нервнобольных»). При этом психоанализ привлекал к себе внимание публики не только своими медицинскими успехами, но и разработанной Фрейдом в процессе развития психоаналитической терапии теорией сексуальности. Слава психоанализа во многом была скандальной.

Когда мы сегодня думаем о сексуальных запретах прошлого, мы не всегда в достаточной мере разводим сферу того, что считалось недопустимым в качестве предмета обсуждения, и того, что не практиковалось на деле. Нам может казаться, что строгость дискурсивных запретов совпадает с равной строгостью нравов. На деле же это не вполне так. Скорее можно го-

ворить о влиянии первого на второе, о том, что маркированность сексуального как непристойного, «грязного», недопустимого для обсуждения способствовало тому, что многие люди этого времени были весьмадержаны в половой сфере; однако одновременно присутствовала и возможность осуществления запретного — но так, чтобы это запретное было совершенно выведено из речевого пространства. То же касалось и сферы «внутренней» жизни: усваивая, интериоризируя существующий дискурсивный запрет, человек и во внутренней речи не допускал обсуждения не только событий, но и желаний сексуального характера.

Открытие, сделанное Фрейдом, состоит отнюдь не только в обнаружении сексуального характера неврозов или даже сферы бессознательного — этого нового «континента» психики, существование которого предполагали многие авторы уже задолго до Фрейда, но путь к каковому, ведущий через эмпирию, проложил именно Фрейд¹. Пре-

¹ При этом сравнение себя с Колумбом, открывшим новый континент, приходило на ум самому Фрейду. Это сравнение было связано у него с мыслью о том, что человек, сделавший важное открытие, вовсе не обязательно сам является великим. «Мари Бонапарт, — пишет в своей биографии Фрейда Э. Джонс, — однажды сказала ему, что, по её мнению, он является человеком, совместившим в себе черты Пастера и Канта. Фрейд ответил: „Это очень лестно, но я не могу разделять Вашего мнения. Не потому, что я скромен, вовсе нет. У меня очень высокое мнение о том, что я открыл, но

жде всего он приходит к опытному обнаружению того, что человек, как это выражается в старой философской формулировке, есть существо словесное, $\zeta\delta\omega\eta \lambda\circ\gamma\eta\eta \chi\eta\eta^1$. Настолько словесное, что никакое человеческое желание не может быть совершенно отчуждено от слова и речи, и даже лишённое возможности напрямую быть выраженным, находит способ высказать себя посредством ошибочных действий, образов сновидений, невротических симптомов — и это именно высказывание в самом прямом смысле слова, речевой акт, который, как показывает Фрейд, может быть «расшифрован» и понят в процессе анализа.

Даже то желание, которому отказывают в возможности быть высказанным во внутренней и во внешней речи от лица того, чьим желанием оно является, входит в коммуникативное пространство. Мы всегда сообщаем о себе больше, чем думаем сообщить. Одновременно, конечно, и другие участники

не о себе. Великие открытия вовсе не обязательно означают великих людей. Кто изменил мир больше, нежели Колумб? А кем он являлся? Искателем приключений. Он обладал характером, это правда, но он не был великим человеком. Так что, как Вы видите, человек может совершать великие дела, но это не будет означать, что он действительно великий»» (Джонс 1997, с. 308).

¹ Букв. «живое существо, имеющее слово» (гр.) — определение человека, приводимое Аристотелем (*Политика* 1253а, 7—10) и важное для последующей истории европейской мысли.

коммуникации понимают о нас больше, чем думают, что понимают. В коммуникации всегда присутствует неосознаваемый план. Но порой неосознаваемое, исключённое из прямой и осознанной речи, оказывается способно так сообщить о себе, что скрытое с очевидностью обнаруживается. Такие ситуации мы можем найти не только в реальной жизни, но и в литературе. В частности, Фрейд приводит следующий пример из «Валленштейна» Ф. Шиллера:

«Макс Пикколомини в предыдущей сцене страстно выступает на стороне герцога и мечтает о благах мира, раскрывшихся перед ним, когда он сопровождал дочь Валленштейна в лагерь. Его отец и посланник двора Квестенберг в полном недоумении. А дальше в 5-м явлении происходит следующее:

К в е с т е н б е р г
Вот до чего дошло!
(*Настойчиво и нетерпеливо.*)
А мы ему в подобном ослепленье
Позволили уйти, мой друг,
И не зовем его тотчас обратно —
Открыть ему глаза?

О к т а в и о
(*Опомнившись после глубокого раздумья.*)
Мне самому
Открыл глаза он шире, чем хотелось.

К в е с т е н б е р г
Что с вами, друг?

О к т а в и о
Проклятая поездка!

К в е с т е н б е р г
Как? Что такое?

О к т а в и о
Поскорей! Мне надо
Взглянуть на этот злополучный след
И самому увидеть все. Пойдемте.
(Хочет его увести.)

К в е с т е н б е р г
Зачем? Куда вы?

О к т а в и о
(Все еще торопит его.)
К ней!

К в е с т е н б е р г
К кому?

О к т а в и о
(Спохватываюсь.)
Да к герцогу! Пойдем!

(Перевод Н. Славятынского)

Октавио хотел сказать «к нему», герцогу, но оговорился и выдал словами «к ней» причину, почему молодой герой мечтает о мире» (*наст. изд., с.*).

Приводя в своих лекциях этот и другие примеры оговорок, которые оказываются подчас красноречивее любых слов, Фрейд подводит слушателей к вопросу о том, не является ли *всякая* оговорка и, шире, *всякое* ошибочное действие имеющими смысл, а точнее, выражаютими некоторое, пусть даже и не осознаваемое, намерение. На этот вопрос Фрейд склонен ответить утвердительно. Такое предположение наличия смысла в любых ошибочных действиях важно, разумеется, не только как «теоретическое»: на практике с ним связано побуждение искать этот смысл в случае подобного рода ошибок. О том, что может быть обнаружено в процессе него, Фрейд и рассказывает далее слушателям.

Не случайно именно с рассмотрения оговорок, а затем и других видов ошибочных действий, Фрейд начинает знакомить слушателей с психоанализом. Выбор этой проблематики в качестве вводной в рамках лекционного курса позволил Фрейду начать обсуждение психоанализа с области, опытно доступной слушателям. Хотя, как предупреждает их Фрейд в первой лекции, психоаналитическая терапия как таковая не может быть продемонстрирована в учебных целях перед аудиторией, всё же ему удается начать раскрывать свой подход с обращения к фактам, похожие которым каждый из слушателей может на-